

изящество древнего стиля, утраченного и забытого".

Всю жизнь Петрарку сопровождал некий внутренний конфликт. Воспевая в своем поэтическом творчестве радости земного бытия, Петрарка пытался совместить эту свою направленность с собственными глубокими религиозными чувствами. Эту проблему Петрарка решал своеобразно – он стремился доказать необходимость изменения официального католического вероучения. Будучи искренне верующим христианином, Петрарка не принимал распространенного схоластического понимания сущности Бога и, прежде всего, установившегося господства рационализированного христианства. Поэтому он призывал не распылять свои силы в бесплодных логических умствованиях, а вновь открыть истинное обаяние всего комплекса гуманитарных дисциплин. Истинная мудрость, по его мнению, заключается в знании метода достижения этой мудрости. Следовательно, необходимо возвратиться к познанию собственной души. Петрарка писал: "Мне не причиняют беспокойство преграда из книг и восхищение земными вещами, поскольку у языческих философов я научился тому, что ничто не достойно восхищения, за исключением только души, против которой все кажется незначительным".

Именно с Петрарки начинается первая гуманистическая критика Аристотеля. К самому Аристотелю Петрарка относится с большим уважением, однако использование философами-схоластами аристотелевского стиля мышления, принципов аристотелевской логики для доказательства истин веры его совершенно не устраивают. Петрарка настаивает на том, что чисто логические способы постижения Бога ведут не к знанию, а к безбожию.

Сам Петрарка отдавал предпочтение философии Платона и основывающихся на нем сочинениям отцов церкви. Он утверждал, что, если Платон и не достиг истины, то был близок к ней более, чем другие. Признавая "философское первенство" Платона, он риторически спрашивал: "И кто станет отрицать такое первенство, исключая разве шумную толпу глупых схоластов?"

И вообще Петрарка призывает к самому активному изучению философского наследия античности, к возрождению идеалов античности, к возрождению того, что позднее получило название "античного духа". Ведь его, как и многих древних мыслителей, интересовали прежде всего внутренние, морально-этические проблемы человека.

Франческо Петрарка не создал какого-то законченного философского учения. Более того, он постоянно подчеркивал свое собственное незнание философской проблематики. Но его роль в истории западноевропейской философии заключается в том, что он как бы обозначил главные пути развития философской и общественно-политической мысли своего времени, призвал современников обратить пристальное внимание на проблемы человеческой личности. Он указал и средство, с помощью которого эти проблемы можно осветить – возрождение античной философии.

Вниманию читателей представляется фрагмент из трактата "Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру" – замечательного литературно-философского произведения, лежащего у истоков европейского Возрождения. Трактат написан в 1342–1343 гг. и отредактирован автором в 1353–1358 гг. Книга построена в форме диалога, который ведут в присутствии молчаливой истины Франциск (Петрарка) и Аврелий Августин.

МОЯ ТАЙНА, ИЛИ КНИГА БЕСЕД О ПРЕЗРЕНИИ К МИРУ

Публикуется по: Петрарка Ф. Лирика. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 357–394. Перевод М. Гершензона.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

Августин Достаточно ли мы отдохнули?

Франциск Как будто бы да.

Августин

Каково теперь твое настроение? И велика ли твоя доверенность? Ибо упование больного – важный залог выздоровления.

Франциск

На себя мне нечего надеяться; вся моя надежда – на Бога.

Августин

Это разумно. Но теперь возвращаюсь к делу. Многое тебе досаждают, многое оглушает тебя, и ты сам до сих пор не знаешь, сколь многочисленны и сколь сильны окружающие тебя враги. Как человек, видящий густую рать вдали, обыкновенно по ошибке презирает малочисленность врагов,